

ФОРМУЛА СЧАСТЬЯ

«Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной»
А. ГАЙДАР.

Как раскрыть тайну актерского мастерства, рассказать о творчестве певицы, популярность которой давно не нуждается в самых высоких эпитетах? Как выявить те скрытые пружины вдохновения, которые рождают драматический и музыкальный образ?

Если спросить Муниру Закировну Булатову, в чем тайна ее искусства, она ответит: — Приходите в театр, завтра я пою Тугзак в «Золотоволосой» Жиганова.

Четверть века не расстается с этим образом актриса, казалось бы, выверена каждая нота, каждый жест, столько спектаклей, а вот, поди же, волнуется. Волнуется, вспоминая вновь и вновь письмо одного зрителя.

— Почему опера называется «Алтынчеч»? Ведь ее надо назвать «Тугзак», героиня не юная золотоволосая девушка, а мать, олицетворяющая образ Родины.

Давно пришло письмо, желтели его страницы, а Мунира Закировна бережно хранит его, и слова крепко запали в сердце. Тугзак, пожалуй, самое любимое детище певицы. «Седая, ослепшая старуха бредет по полю брани, безмерно ее неутешно горе. Но выпрямляется ее гордый стан, в незрячих глазах — гнев и негодование. Смело зовет она соотечественников на правый бой».

Смогли последние звуки оркестра, в последний раз пошел тяжелый алого бархата занавес. Актриса, усталая и счастливая, сидит в своей гримм-уборной, не торопясь снимать седой парик и длинное черное платье Тугзак. Разойдутся по домам зрители, только что щедро наделившие ее аплодисментами, а певица так и не уснет эту ночь, вновь и вновь переживая ни с чем не сравнимое счастье актера.

— К 50-летию республики оперу снова покажем на татарском языке, вернемся к первоисточнику, к звонким, чеканным стихам Мусы Джалиля.

— Некоторые ведь нас считают? Подумаешь, актерский труд. Спел два-три часа, да и то не каждый вечер, а таниа почести, звания, счастливинки, наделила природа голосом, талантом, каня там работа! Не жизнь, а сплошные радости. Радости, да, они и дают нам силу выдерживать наторженный труд. Репетиции с 10 до 13 часов днем, вечером с 19 до 22 часов — это далеко еще не все. Я уж не говорю о той лихорадке, которая царит в любом театре перед премьерой, бурливо, все держится на нервах, недоволен режиссер, сердится дирижер, никакого ансамбля, все рушится, как нарточный домик. Ну, думаешь, провал. Первый спонтанно будто в тумане. Нервное напряжение, усталость, и вдруг аплодисменты. Значит, не пропали бессонные ночи, бесконечные сомнения, поиски. Кажется, роль получилась. Звонят знакомые, пишут незнакомые, благодарят за радость. Завтра выйдешь на сцену, и то, что еще вчера представлялось верно найденным, завершённым, вдруг кажется только началом. Вот в этих-то сомнениях, поисках и смысл нашего искусства, значит, роль — твоя, если она тебя «зацепила», забрала целиком.

Так и с Тугзак. Чем больше проходит лет, тем крепче наша с ней дружба, сроднились, мне кажется, она тоже отвечает взаимностью на мою любовь. Это только фильм раз и навсегда отснят, где не убавишь, не прибавишь, а спектакли никогда не бывают похожими, сегодня взлет, а завтра вдруг чувствуешь какую-то заминку, неделя пройдет, прежде чем «докопаешься» до первопричины. Слушатель, зритель не обязательно знает актерскую «кухню», и говорю я об этом только потому, что очень уж обидно иной раз слушать легкомысленные и безапелляционные суждения о нашей «легкой» работе.

Говорить о Булатовой не просто. Рассказывать о ней, это значит надо вспомнить всю 30-летнюю историю татарского оперного театра. Их немного осталось в коллективе, первых студийцев, вы-

пестованных Мусой Джалилем. Это они, Мунира Булатова, Фахри Насретдинов, Лев Верниковский, окончив студию при Московской консерватории, стали первыми солистами нового оперного театра в Казани, а Садржиганов — первым дирижером. Когда человека называют ветераном, это ко

многому обязывает и не обязательно это только экскурс в прошлое. Искусство настоящее, большое не подлежит обычным человеческим меркам, и возраст актера не определяется паспортом, ведь давно замечено, что молодость художника — это особое состояние души.

Говорят, что самые сильные впечатления человек оставляет при первом знакомстве. Можно много лет знать человека и все-таки память нет, нет да и вернет к тем дням детства, когда видишь, как из подъезда вышла молодая, изящная женщина, оставляя после себя тонкий аромат духов. Она казалась нам, школьникам, недостижимым божеством. Однажды классная руководительница принесла билеты на «Евгения Онегина».

«Я люблю вас, Ольга!» — тянули на переменах мальчишки, дергая девчонок за тонкие косицы.

А «Ольга» — так мы стали звать свою певицу, все так же мило улыбалась своими ореховыми глазами. О, теперь мы знали, каня она на сцене. Колетливая, легкомысленная Ольга, беззаботная и шаловливая, как дитя. Лыняные нудри, легкая фигурка в длинном платье и низкий, глубокий голос.

В оперу наш класс больше не пошел: началась война, школа, где мы учились, превратилась в госпиталь.

И все же я снова как-то попала в театр. В зале сидели солдаты. Яркими пятнами белели забинтованные руки, головы, между креслами торчали костыли. И казалось почти невероятным, что вот выпорхнула на сцену беззаботная шаловливая Ольга, мучается от ревности Ленский, а холодный, чопорный Онегин наводит на него пистолет. Бойцы, обнимавшие костыли, восторженно хлопали, кричали молодыми голосами «бис», «браво».

Плакала «Ольга» дома, уткнувшись в подушку. Нет больше у нее брата, веселого, заботливого — пришла похоронная. Еще одна смерть в доме. Бедная мама, как вынесет ее сердце? Вот Мунира, маленькая девчонка, видит отца с застывшим белым лицом. Мама молчит вторые сутки, только крепко, очень крепко прижимает к себе осиротевших детей. Отнесли отца на мазарки, поставили плоский камень с арабской вязью, в доме вдовы — пятеро ребят. Пришел Ибрагим Нарбеков, сосед, стуча деревяшкой (ногу оставил на гражданской войне). Долго говорил с матерью. Шафикамал не прерывала гостя, только изредка повторяла: «Зур рахмат, абый, рахмат». Утром Ибрагим абый запряг лошадь в подводу и увез десятилетнюю Муниру в Казань, в детский дом.

Все здесь казалось счастливым — и огромные кирзовые сапоги, в которых бегала веселая девчонка, и уроки, и игры. Училась легко, играючи, любила лапту и волейбол и кончила школу, пошла в индустриальный техникум. Смеялась, когда учителя советовали выбрать музыкальное училище. Подумаешь, голос, вот на фабрике работать — это да!

...А теперь война, и та, военная жизнь, фабрика и

училище (Муниру все-таки уговорили учиться пению). Москва и первые спектакли в оперном театре — все это порой казалось немыслимой сказкой. Хотелось на фронт, и вот она едет туда — на третий Прибалтийский. Еще не разминирован освобожденный Псков. По зимним дорогам едва тащится огромный «Студебеккер» — в кузове лежат снаряды, а на них, зябко кутаясь в овчинные полушубки, сидят артисты. Концертная бригада. Шефские концерты, которые ждут летчики, пехотинцы, зенитчики, танкисты. Поет задорную песню Мунира Булатова. Здесь не скажешь, что болит горло и нельзя петь на морозе. Бойцы просят еще раз повторить «У любви, как у пташки, крылья, ее нельзя никак поймать».

Потом в жизни певицы Булатовой будет не один спектакль «Кармен», с этой партией она объедет почти все оперные театры страны, но она на всю жизнь сохранит то удивительное ощущение причастности искусства к народу, которое испытала там, на Псковщине. Не было афиш, в памяти сохранилось другое, самое ценное — лица бойцов, которые через час, другой шли в атаку.

Сохранилась другая афиша — первого сольного концерта Булатовой. Как хлопотал тогда о нем Муса Джалиль, сам подбирал репертуар, бегал, волновался, ведь не просто выходила на сцену молодая певица, впервые исполнялись новые песни татарских композиторов, делавших первые шаги в искусстве. И еще одна афиша концерта, организованная приехавшим с фронта Аделем Кутуем, в фонд танковых колонн.

Их нет, ни Джалиля, ни Кутуя. И все-таки они есть. Это они помогли ей, деревенской девчонке, работнице мыловаренного, а потом валяльно-войлочного заводов, обрести уверенность в своих силах, понять, какое воздействие на людей имеет искусство, если ему отдаешь всю душу, если оно стало смыслом жизни. Как бы радовались друзья, если бы увидели ее на сцене Большого театра. А она пела там и Полингу, и Миловзора в «Пиковой даме», в одних спектаклях с Обуховой. А однажды Надежда Андреевна пригласила ее к себе и предложила роль Графини. Профессионалы знают, как это сложно, трудно «вводиться» в уже готовый спектакль, да еще после столь прославленной исполнительницы. О Графине в «Пиковой даме» Булатовой писали в те, 50-ые годы, многие центральные газеты. Поет она в опере Чайковского и по сей день, это тоже одна из ее лучших работ.

Кончаковна в «Князе Игоре» Бородина и комиссар в «Оптимистической трагедии» Холминова, Бике в «Качкин» и Хаат в опере «Джалиль» Жиганова, Любаша из «Царской невесты» Римского-Корсакова — все эти образы — живые, глубоко чувствующие натуры, наделенные сильными характерами.

— Признаться, не люблю и боюсь мелодрамы, — говорит Мунира Закировна. — Мне по душе волевые, страстные женщины. Из советских композиторов ближе всего творчество Назиба Жиганова. Какой простор для вокалиста, столько искрометных арий!

Наш разговор прерывает длинный звонок телефона. Председателю Татарского отделения ВТО, народной артистке ТАССР и РСФСР звонят из Москвы, приглашают на президиум, где будет обсуждаться вопрос о подготовке к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

А дома другой звонок — от тети Насти, бывшего мастера, у которой начинала работу учащаяся техникума Мунира.

— Приглашаем на заводской вечер, хотим еще раз тебя послушать.

И она поет, ее низкий обволакивающий теплом голос дарит людям радость.

В. ГУДКОВА.

На снимке: М. Булатова.